
УДК 81'.36: 81'.42

ББК 81.02

Л 26

Ласкова М. В.

Доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и информатики Педагогического института Южного федерального университета, e-mail: evreznikova@mail.ru

Резникова Е. В.

Аспирант кафедры перевода и информатики Педагогического института Южного федерального университета, e-mail: evreznikova@mail.ru

Личные местоимения в политическом дискурсе

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается использование личных местоимений в политическом дискурсе, где оно является одним из средств манипулирования общественным мнением, а также значимой характеристикой политика, отражающей его мировоззрение и идеологию. Исследуются исторические изменения в использовании личных местоимений в политической жизни нашей страны и тот эффект, который выбор местоимения производит на аудиторию.

Ключевые слова:

Личные местоимения, политический дискурс, манипулирование общественным мнением, категория персональности, инклюзивное «мы», деперсонификация, саморепрезентация.

Laskova M.V.

Doctor of Philology, Professor of Translation and Computer Science Department, Pedagogical Institute of Southern Federal University, e-mail: evreznikova@mail.ru

Reznikova E.V.

Post-graduate student of Translation and Computer Science Department of Pedagogical Institute, Southern Federal University, e-mail: evreznikova@mail.ru

Personal pronouns in a political discourse

Abstract:

The paper deals with the usage of the personal pronouns in the political discourse. These pronouns are means of manipulating the public opinion as well as a significant characteristic of a politician reflecting his outlook and ideology. The work examines historical changes in the usage of the personal pronouns in the political life of the country and the effect which the choice of the pronoun produces on the audience.

Keywords:

Personal pronouns, political discourse, manipulating the public opinion, the category of personalization, inclusive «we», depersonification, self-representation.

«Одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы» - «они», «этот» - «тот», «здесь» - «там», «близкое» - «далекое» и мн. др. под. [1]. Представление о «своем/чужом» формировалось в древности, отражая особенности архаического сознания подмечать и фиксировать существующие в мире объективные противоположности. Для древнего сознания характерна дуалистичность, отражающая «извечную конфликтность» реальности. Фольклористы упоминают оппозицию «свое/чужое» как доминирующую во многих жанрах народного творчества, где она оказывается ценностно окрашенной: «свое» - хорошее, «чужое» - плохое.

«Наш народ не избалован персональными обращениями. У нас долгое время господствовало стадное чувство, именуемое «МЫ» [2]. В этноисторических текстах часто используется ассоциативный тип «мы»: говорящий идентифицирует себя со своим этносом (даже в исторической перспективе, когда рассказчика еще не было на свете). Например, «мы советское» в выступлениях на партийных форумах (как знак социалистического образа жизни): *Это особый тип интеллигента, презирающего равным образом богему и толпу, привыкшего не доверять любому «мы»* (Новый мир, 2002, № 10. С. 168).

Вследствие большой вариативности семантического содержания местоимения «мы» оно нередко становится средством манипулирования общественным мнением, особенно - в предвыборных кампаниях. Ср.:

Листовку-агитку «единороссов» венчает призыв, и его стоит процитировать: «Поддержите курс президента, защитите свой родной город от «правых» и «левых» демагогов, проголосуйте

за кандидатов и список партии Единая Россия!» Кого, позвольте узнать? Самих себя? Какой курс мы должны поддержать? Увольте, господа! Это ваш курс, вы его и поддерживайте! (Советская Россия, 4 декабря 2003 г.).

В предвыборной борьбе «мы» превращается в идеологему единения. Ср.: «...сверхзадача агитационной кампании – объединить народ вокруг кандидата, и... команда кандидата развивает в пропагандистских материалах идеологему единения, в центре которой смысл совместности, поддерживаемый идеологической памятью местоимений: *Вместе мы – сила. Наш город – это мы с вами. Мы будем с вами вместе добиваться достойной жизни* и под.» [3].

Ср., однако, мысли С.Л.Франка о том, что соборность, соединение я и ты в мы пронизывают всю социальную жизнь человечества. Мы – не расчлененное духовное бытие, общий дух, народная душа. Мы - это единство самой множественности, единство всего раздельного и противоборствующего, единство, вне которого немислимо никакое человеческое разделение, никакая множественность. И даже когда я осознаю полную чуждость мне какого-нибудь человека или стою в отношении разъединения и вражды к нему, я осознаю, что мы с ним – чужие или враги, то есть я утверждаю свое единство с ним в самом разделении, в самой враждебности. Изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком. – цит. по: [4].

В рамках манипулятивных техник выделяют «контакт, который имеет тенденцию сам себя поддерживать в силу положительного эмоционального, мотивационного или смыслового отношения к нему». Типичным примером такого контакта могут служить обращения *коллега, земляк*, местоимение *мы*, которое способствует тому, чтобы слушающий ясно

осознавал, что говорящий такой же, как и он сам [5]. Е.И. Шейгал [6] перечисляет такие специализированные вербальные знаки интеграции, позволяющие политикам отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности, - «маркеры своих»:

-инклюзивное *мы*;

-лексемы совместности (*вместе, все, наш, единство, единый, блок, союз, объединение*);

-лексические единицы с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией 'я свой' (*друзья, товарищи, братья и сестры, сограждане, россияне, коллеги, земляки, мужики*);

-формулы причастности (*Я, как все...*).

Использование или, наоборот, избегание местоимения первого лица является значимой характеристикой политика. Ср.:

Дмитрий Медведев установил свой первый президентский рекорд: никогда еще Послание к депутатам не было столь продолжительным – почти полтора часа. И никогда еще во время его оглашения так часто не звучали слова: «я принял решение...», «мною отдано распоряжение...», «я дал указание...» (Советская Россия, 6 ноября 2008г.)

Ср. характерный дискурс эпохи горбачевской перестройки:

«Мы» будто прячет «я», покрывает его некоей анонимностью, нивелирует и чьи-то робкие усилия, и чью-то отчаянную решимость, и чью-то полную спячку. И в наше время, когда «я» направляет плечи, когда реабилитируется индивидуальное в теории ли воспитания, в литературе ли, - когда мы с надеждой говорим о внимании к каждому человеку, а не только о любви к некоему обезличенному человечеству, пафос письма кажется особенно уместным. Слишком долго «я» растворялось в «мы», интересы коллектива противопоставлялись

интересам личности, а мораль приносилась в жертву целесообразности. Наверное, это неизбежный этап – прежде чем объединиться, нужно размежеваться. Осознать свое «я» значит проявиться, выделиться и тем самым как бы и обособиться. Но на новом витке спирали – как бы это ни было трудно – все равно вновь стать «мы» (И. Руденко, Комсомольская правда, 19 октября 1988 г.) Цит. по: [7].

Е.И. Шейгал, детально исследовавшая политический дискурс, пишет, что «применительно к политическому языку в литературе упоминаются такие особенности грамматики, как, например, тенденция к устранению лица при помощи номинализованных конструкций-девербатов и безагенсного пассива, инклюзивное использование местоимений *мы, наш* [6].

Соотнесение обозначаемой в высказывании ситуации с участниками речевого акта осуществляется с помощью категории персональности. Она имеет ярко выраженную актуализационную природу. Категория персональности охватывает те зоны субъектности и объектности, в которых представлены субъект или объект – лицо, а также те случаи, когда субъект или объект не являются личными, но в предложении–высказывании выступает личная форма глагола, то есть реализована категория лица (как в односоставных предложениях). Категория лица местоимений и глаголов как грамматический центр персональности полифункциональна, то есть выполняет помимо семантических функций еще и функции прагматические, связанные с особенностью коммуникативной ситуации. Рецессия субъекта (происходящая вследствие многочисленных номинализаций) была характерным свойством советского политического дискурса.

Характерными для советского дискурса были и многие другие способы деперсонализации, например, опущение агенса в пассивных конструкциях: *обращено внимание, принято решение.*

Такой прием используется в целях пропагандистского воздействия: деперсонализация субъекта вызывает у адресата представление о действии не субъектном, а объективно заданном. С началом перестройки и особенно в постсоветский период эта черта перестала быть характерной для политического дискурса. В.Г. Костомаров написал в 1987 году: «Даже с трибуны многолюдного собрания (подумать было страшно еще недавно!) ораторы смело говорят: *Я думаю, а не думается, представляется целесообразным* [8]. А. Мирошниченко [9] упоминает о том, как в своей журналистской практике столкнулся со следующим случаем: высокопоставленный чиновник с большим партийным (коммунистическим) прошлым, вычитывая свои ответы на журналистские вопросы, вычеркивал избыточные, на его взгляд, местоимения первого лица. Отказ от *я* диктовался не стилистическими требованиями, а соображениями партийной морали, которая не приветствовала «ячество». В результате получились эллиптические фразы вроде *поступил в институт..., не собирался баллотироваться в депутаты*. Отсутствие необходимой грамматической формы *А. Мирошниченко* считает «лингво-идеологемой».

К периферии функционально-семантического поля персональности в русском языке также относятся субъектно-локативные формы, содержащие указания на некоторое множество лиц по их территориальной, административной, социальной принадлежности, а также глагольные, реже адъективные предложения, в которых функционируют такие формы: *В министерстве недовольны. В правительственных кругах упоминают о новом финансовом скандале. В этом городе думают о будущем*.

Отказ от грамматической формы первого лица или, напротив, активное ее использование, таким образом, на глубин-

ном уровне отражают глубинные различия между мировоззренческими полюсами «социоцентризм» - «индивидуализм» или между идеологическими полюсами – «социализм» - «либерализм». Использование местоимения *мы* может свидетельствовать о приоритете коллектива, активное употребление местоимения первого лица единственного числа, напротив, свидетельствует о приоритете индивидуума. Возможно также представление «о приоритете машины», которое на лингвистическом уровне передается формулой «должность + 3-лицо вместо первого»: *Директор слушает... Автор считает, что...* Интересно, что домостоименный уровень саморепрезентации характерен и для детской речи (дети дошкольного возраста часто говорят о себе в третьем лице).

Отмечено, что Сталин использовал формулу «*Товарищ Сталин считает, что...*». Манифестируемый отказ от *я* приводит к подчеркнутой деперсонализации. Многие авторы справедливо отмечают, что *мы* вместо *я* в публичной речи для русского человека более естественно (между тем как в обыденной ситуации и разговорной речи трудностей с саморепрезентацией с помощью местоимения *я* не возникает). Возможно, что отсутствие формы первого лица единственного числа у глагола *победить* имеет те же корни (при естественном - *Мы победим*).

Получается, что манипулирование собеседником/электоратом может осуществляться в том числе и на уровне выбора говорящим личного местоимения, что лишней раз подчеркивает то, что, как отмечает Чалый В.В. [10], «сегодня каждому участнику речевого акта, становящемуся слушателем, желательно обладать коммуникативной компетентностью в разрешении важных жизненных вопросов, умением правильно реагировать на возможные манипулятивные действия со стороны собеседника».

Примечания:

1. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. М.: Наука, 1989. С. 54-82.
2. Феофанов О.А. Реклама: новые технологии в России. СПб.: Питер, 2000. 384 с.
3. Купина Н.А. О расширении границ речевой свободы: языковой облик избирательных кампаний 1999 года в Екатеринбурге и Свердловской области // Русский язык сегодня: сб. ст. / РАН. М.: Азбуковник, 2003. Вып. 2. С. 476-492.
4. Беляева И.В. Прагматическое содержание количественной оценки: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 152 с.
5. Рядчикова Е.Н. Речевое воздействие как вид манипуляции // Личность в пространстве языка и культуры. М.; Краснодар, 2005. С. 290-300.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис. 2004. 325 с.
7. Местоимения в современном русском языке: учеб. пособие / А.М. Чепасова, Л.Д. Игнатьева, Ж.З. Мительская и др. 2 изд-е, испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2007. 196 с.
8. Костомаров В.Г. Перестройка и русский язык // Русская речь. 1987. № 6. С. 3-11.
9. Мирошниченко А.А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа. Ростов н/Д, 1995. 112 с.
10. Чалый В.В. Говорящий и слушающий в процессе речевого взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2008. № 6. С. 34-36.

References:

1. Penkovsky A.B. On the semantic category of «extreineity» in Russian // The problems of structural linguistics of 1985-1987. M.: Nauka, 1989. P. 54-82.
2. Feofanov O.A. Advertizing: new technologies in Russia. SPb.: Peter, 2000. 384 pp.
3. Kupina N.A. On the expansion of speech freedom borders: the linguistic character of election campaigns of 1999 in Ekaterinburg and the Sverdlovsk area // The Russian language today: col. of articles / RAN. M.: Azbukovnik, 2003. Issue 2. P. 476-492.
4. Belyaeva I.V. The pragmatival meaning of the quantitative rating: Dissertation for the Candidate of Philology degree. Rostov-on-Don, 2004. 152 pp.
5. Ryadchikova E.N. The speech influence as a kind of manipulation // A person in the language and culture space. M.; Krasnodar, 2005. P. 290-300.
6. Sheigal E.I. Semiotics of the political discourse. M.: Gnosis. 2004. 325 pp.
7. Pronouns in modern Russian: a manual / A.M. Chepasova, L.D. Ignatjeva, Zh.Z. Mitelskaya, etc. 2nd ed., cor. and enlarged. M.: Flinta: Nauka, 2007. 196 pp.
8. Kostomarov V.G. Perestroika and the Russian language // Russkaya rech. 1987. № 6. P. 3-11.
9. Miroshnichenko A.A. Interpretation of speech. Principles of linguistic-ideological analysis. Rostov-on-Don, 1995. 112 pp.
10. Chaly V.V. A speaker and a listener in the process of speech interaction // Bulletin of the Adyge State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2008. № 6. P. 34-36.